



ОРГАН ПАРТКОМА, РЕКТОРАТА, КОМИТЕТА ВЛКСМ, ПРОФСОЮЗНЫХ КОМИТЕТОВ

ОМСКОГО ОРДЕНА «ЗНАК ПОЧЕТА» ГОСУДАРСТВЕННОГО ПЕДИНСТИТУТА ИМЕНИ А. М. ГОРЬКОГО

Кому и зачем нужен «третий путь»

1. АЗБУКА ПОЛИТОЛОГИИ: ИСПОРЧЕННЫЙ КОМПАС.

Публикуемый сегодня документ нуждается в некоторых пояснениях. Первое из них связано с тем, что, несмотря на всю нашу гласность на грани свободы слова, а может быть, благодаря ей, общественное сознание не только притворяется истину, но и меняет прежние ложные стереотипы на новые. В таких условиях приходится вновь развешивать азбучные истины научной политологии, известные всему цивилизованному миру, но забытые в нашей стране, в очередной раз пытающейся изобрести велосипед.

Так случилось, например, с исходными политическими ориентирами, когда наша нарождающаяся демократия, подобно малому ребенку, не смогла различить, где у нее какая рука. В СССР, как известно, политиков делают обычно на «демократов» («левых») и недмократов («правых»), тогда как на Западе сторонниками политической демократии являются практически все сколько-нибудь значимые течения: от неоконсерваторов до коммунистов, за исключением крайне правых и крайне левых. В таких условиях совершенно очевидно, что сами демократы бывают как левыми, так и правыми, причем различие между теми и другими определяется, конечно, уже не отношением к демократии, а их социально-экономической программой, т. е. позицией по вопросу о социальном равенстве или неравенстве, а значит, и о собственности. Чем больше та или иная партия стремится к равенству, тем она левее и наоборот. При этом характеристика «левее» совсем не обязательно несет в себе положительную оценку, «правее» — отрицательную.

До недавнего времени и мы не сомневались, что «военный коммунизм» — это ультралевая политика, поскольку идея социального равенства была соведена до логического конца, до абсурда и внедрялась с помощью насилия, и потому это плохо; НЭП — гораздо более правая политика, но более реалистическая, и это хорошо; сталинский перелом — вновь зигзаг в сторону левого радикализма, перестройка же — вновь вправо и т. д. Именно такой подход находим еще в известной статье Андрея Нужикина «Идеалы или интересы» (1988 г.). В интервью западным средствам массовой информации наши «левые радикалы» и сейчас правильно определяют свои позиции.

Однако внутри страны абсолютное большинство политических лидеров, включая таких, как М. С. Горбачев, Б. Н. Ельцин, А. Н. Яковлев, закрывают глаза на то, что общество попало в «корольство кривых зеркал», и похоже, склонны скорее издать декрет о признании левой руки в качестве пра-

вой, нежели вернуть народу нормальную политическую ориентацию.

Почему же возникла подобная абберация политического зрения? Думаю, тому есть три причины. Во-первых, крайне левые и крайне правые имеют немало общего. Например, те и другие готовы применять насилие для достижения поставленных целей. Не зря говорят, что если очень далеко идти налево, обязательно выйдешь справа. Отечественные консерваторы, следовательно, не потому дипломатично выражаясь, не являются почтителями демократии, что они правые, а напротив, потому, что они чрезмерно левые. Во-вторых, в политике советского руководства очень долго сочетались слишком левые (уравниловка) и откровенно правые (привилегии для правящей элиты) тенденции, а среди правых лозунгов радикалов (неограниченная частная собственность и социальное неравенство) встречаются и левые (ликвидация все тех же привилегий), вплоть до необольшевистских, близких к «грабь награбленное!» В-третьих, очевидно, мы имеем дело также с низким уровнем политической культуры и сознательным желанием использовать десятилетиями насаждавшиеся стереотипы: левые — те, кто за народ, хорошие, правые — против.

К чему приводит подобная путаница, легко проиллюстрировать на примерах. Так, в массовом сознании не только В. И. Ленин — левый радикал, но и ненавидящее его Ю. Афанасьев и В. Новодворская — тоже левые радикалы. Спрашивается, чего же они не поделили? Для англичан Тетчер — безусловно, правый политик, у нас ее сторонники читаются левыми. Так куда же мы все-таки движемся?

На одной из встреч избирательницы, спрашивая меня о здоровье уважаемого в Омске народного депутата, просила передать ему привет и прибавила: «Мы любим таких...» (далее шла похвала, которая может быть понята двояко, поэтому я ее не воспроизвожу). Однако, разбирая вопрос о рынке, мы вскоре выяснили, что политические позиции избирательницы и депутата противоположны. Он — сторонник неограниченного развития частной собственности, она — противник любых ее форм. Поистине такую любовь можно было бы назвать метафизической тайной, если бы она не объяснялась элементарной политической необразованностью. Уверен: пора перестать чудить и возвращаться к принятым во всем мире представлениям, иначе можно уподобиться герою известного анекдота, которые после дружеской пирушки вместо Ближнего Востока попали на Дальний и удивились, почему у израильтян совсем не тот разрез глаз. Если стрелка компаса вместо севера показывает на юг, подобных ситуаций не миновать.

ций не миновать.

Анализ расстановки политических сил в стране — особая, большая тема. Пока лишь замечу, что согласно принятому во всем мире пониманию левыми радикалами в СССР являются например, Нина Андреева, желающая вернуться к несколько улучшенной сталинской модели, или партия диктатуры пролетариата. Напротив, партия «Демократический союз», праворадикальная не только потому, что требует сделать частную собственность преобладающей перед всеми другими ее видами, но и потому, что с противоположных политических позиций нередко заимствует большевистские лозунги и методы (не случайно ее называют «зеркальной партией»). Либералы же, т. е. сторонники равноправия всех форм собственности, включая частную с наемным трудом, занимают позиции несколько правее центра. В опубликованном нами документе приведены и некоторые другие критерии, позволяющие различать существующие у нас политические течения. Здесь я расстанусь с позицией беспристрастного политического комментатора и перехожу к изложению собственного взгляда на происходящие у нас процессы.

2. БОРЬБА ЭЛИТ

Читатели, знакомые с романом Джоржа Оруэлла «1918-й», помнят, наверно, рассуждения автора о механизмах исторического развития. Любое общество, согласно Оруэллу, подразделяется на три класса: элиту, средний и низший, взаимоотношения которых и определяют ход событий. На определенном этапе внутри среднего класса вырывается новая элита, которая привлекает на свою сторону низший класс, сбрасывает прежнюю элиту и становится на ее место и т. д. Схема не лишена недостатков, но заслуживает внимания, а самое главное, кое-что объясняет и в нашей действительности.

В самом деле, стержнем политической жизни в настоящее время является борьба двух основных направлений или блоков. Первый — консервативный (если угодно, блок леворадикальных консерваторов), требует возвращения к блаженным сталинским (либо постсталинским) временам, волю или неволю защищая тем самым интересы одряхлевшей бюрократической элиты. Второй — правый, устами Валерии Новодворской и, увы, многих талантливых интеллектуалов предлагает возвращаться еще дальше назад, к 1916 году, хотя бы и ценою 100-летнего отставания. За позицией этого блока легко увидеть интересы тех, кто рассчитывает, сбросив старую элиту, стать у кормила власти, прежде всего, крупных дельцов «теневой» экономики. Именно они под лозунгом «кравных возможностей» стремятся получить полную свободу умножения накопленных капиталов. Поскольку

оба блока зовут в прошлое, их междоусобная борьба подобна борьбе мамонтов с динозаврами. О том, что каждый из этих путей угрожает стране национальной катастрофой, а возможно, и гражданской войной, мне уже приходилось писать (см. «Вечерний Омск», 1990 г., 3 марта). Сейчас добавлю лишь одно: любимые мною деятели культуры, призывающие страну назад в 1916-й, надеются, невольно уподобляясь Ивану Карамазову, который провоцирует Смердякова на преступление: в истории смена общественных формаций никогда не происходила в условиях гражданского мира, а переход от административно-бюрократической системы к первоначальному капитализму наверняка не обойдется малой кровью. Не случайно в последнее время именно либеральные публицисты так сильно затосковали по «твердой руке», по генералу Пиночету и его южнокорейским коллегам.

Однако, пора внести в схему Джоржа Оруэлла и коррективы: думаю, формирование новой элиты в советских условиях будет идти не столько путем вытеснения (европейский вариант), сколько путем сращивания ее с прежней (вариант афроазиатский). В самом деле, спросим себя: кто в условиях административно-бюрократической системы имел больше возможности обогатиться незаконным путем? Ответ, думаю, очевиден: там, где «несуны»-рабочий пользовался карманом или рюкзаком, вор-начальник — машиной. Так что среди новых господ, уверен, будет немало старых знакомых. Венгерские специалисты ожидают, что в процессе приватизации большинство мелких магазинов и предприятий купят их бывшие директора. Но к венграм можно и не обращаться, достаточно вспомнить так и не улетевший «на юга» самолет, в котором как будто специально для иллюстрации нашей модели сошлись достаточно высоко поставленные партработники и кооператоры, видимо, взявшие на себя основные расходы. Так что, когда либералы и более правые партии представляли себя противниками бюрократии, это в лучшем случае самообман.

Итак, при всей междоусобной борьбе сторонники обоих путей защищают элитарные интересы. За оба пути народу придется заплатить непомерной ценой. Но есть третий путь — путь наименьших потерь, контуры которого обрисованы в предложенном проекте. Очень важно, чтобы сторонники этого пути, которые хотят действительно свободы для всех, для которых новая элита ничем не лучше старой, нашли друг друга и попытались, пока не поздно, предотвратить ожидающую страну социальные потрясения.

О. СМОЛИН,
кандидат философских наук,
народный депутат РСФСР.

Основные ориентиры

К ПЛАТФОРМЕ ЛЕВОЙ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИИ В КПСС

КПСС вступила в решающую стадию кризиса, который среди прочего выражается в том, что:

1. В партии существует «сверхлиберализм», объединены несовместимые политические течения — от леворадикальных до либеральных.

2. Руководство и Генеральный секретарь ЦК не имеют ясных ориентиров, пропагандируя причудливый конгломерат идей, включающий:

формальное признание классически коммунистических принципов (коммунистическая перспектива);

остатки консервативно-бюрократической идеологии (опора на аппарат, стремление удержать власть ценою сдачи принципиальных позиций);

преобладающие элементы идеологии социал-демократии, причем не только левой, но и правой.

В таких условиях формальное единство уже не может обеспечить социалистическую перспективу развития страны: настал час размежевания. Однако прежде чем и для того чтобы цивилизованно размежеваться, необходимо объединиться на принципиальных платформах.

Платформа левой социал-демократии — возврат не к большевизму, крайний радикализм которого обернулся человеческой трагедией и неэффективной экономической моделью, а к истокам движения, обогащенным опытом социал-демократических и реформистских коммунистических партий Запада.

Цель. Большинство политических течений — от консерваторов до либералов и правых радикалов — провозглашают своей целью конкретное человека. Левая социал-демократия уточняет: достойная, социально-гарантированная, свободная жизнь человека в свободной от господства старой бюрократии и новых буржуа демократической России. Одно из фундаментальных противоречий современной цивилизации — противоречие свободы и равенства (справедливости). Либерализм жертвует справедливостью во имя свободы, тем самым ограничивая реальную свободу низших классов. Классический коммунизм жертвовал свободой во имя равенства, которое становилось равенством в бедности. Левая социал-демократия намерена отстаивать обе эти ценности, полагая, что свобода без справедливости и справедливость без свободы превращаются в химеры.

Ближайшая непосредственная цель левой социал-демократии — защита интересов всех живущих своим трудом в условиях перехода к рынку (от рабочих до мелких частных предпринимателей), социальная помощь малообеспеченным.

Третий путь: в современных условиях революционной ситуации перед страной открываются три возможных пути развития.

1. Консерваторы требуют восстановления прежней модели административно-бюрократического социализма, фактически призывают назад в 60-е или даже 30-е, хотя этот путь убедительно доказал, что ведет в тупик.

2. Правые радикалы добиваются «нормального капитализма», возврата к дооктябрьским временам. По сути на той же позиции стоят либералы, хотя и под лозунгом: «Долой «измы!» Однако «нормальный» капитализм в Советском Союзе и России возможен не как современный, цивилизованный, а лишь как первоначальный, азиатско-бюрократический. Не исключено, что этот путь и принесет когда-нибудь свои плоды, но не для нынешнего поколения и ценой крайней социальной напряженности и человеческих потерь. Доминирующая в политической жизни страны борьба консерваторов с либералами и правыми радикалами — это борьба мамонтов с динозаврами, реакции с контрреволюцией. В конечном итоге за ней стоит борьба одряхлевшей бюрократической и нарождающейся буржуазной элиты, структуры которых нередко сращиваются, образуя бюрократический капитал.

3. Левые социал-демократы — сторонники третьего пути, который, основываясь на достижениях современного «социализированного» капитализма, призван обеспечить реальную власть и свободу для народа. Мы предлагаем не возвращаться назад, не повторять пройденных путей, а напротив, двигаться в том направлении, куда идет современная цивилизация.

Собственность. Принцип либерализма — равноправие всех форм собственности, включая частную, основанную на наемном труде. Правые радикалы предпочитают частную собственность всем другим ее видам. Правые социал-демократы, соглашаясь с либералами, настаивают на социальной защите неимущих.

Левые социал-демократы полагают, что: 1) полного юридического равенства всех форм собственности на практике нигде нет (в развитых странах льготные условия создаются «народным», т. е. коллективным предприятиям); 2) собственность в конечном итоге определяет характер власти, а потому неограниченная частная

Основные ориентиры

К ПЛАТФОРМЕ ЛЕВОЙ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИИ В КПСС

субъект — путь не к свободе, а к замене властвующей элиты на новую.

Наш лозунг: «Фабрики — рабочим!». В смешанной экономике, включающей все формы собственности, ведущую роль должна занять собственность трудовых коллективов, доказавшая свою жизнеспособность на Западе. Законом защищается лишь честная частная собственность, преимущественно мелкое предпринимательство.

Левая социал-демократия разделяет принцип всех великих революций: «Земля — тем, кто ее обрабатывает». Собственник земли — народ, на ней проживающий, распорядитель — Советы. Формы хозяйствования (включая пожизненную наследственную аренду) свободно выбираются крестьянами. Приватизация земли возможна лишь в ограниченных пределах и при таком механизме, который гарантировал бы ее получение крестьянами. В СССР при нынешнем уровне благосостояния села и при наличии громадного бюрократического аппарата такой механизм вряд ли возможен. Введение рыночных отношений возможно без частной собственности на землю.

Проблема эксплуатации. Сторонники классического коммунизма выдвигают утопическое в данное время требование исключить ее из жизни общества. Либералы сеют иллюзии, будто такой проблемы вообще нет, либо усматривают возможность эксплуатации только со стороны государства.

Левая социал-демократия исходит из того, что:

- а) в условиях рыночной, как и безрыночной экономики избежать эксплуатации пока невозможно;
- б) эксплуатация — одна из форм отчуждения человека, а потому дано стремиться к ее ограничению в интересах экономической эффективности и социальной справедливости. Этому могут служить следующие меры, применяемые в большинстве цивилизованных стран:

система прогрессивных налогов на «верхнюю» часть предпринимательской прибыли, на недвижимость крупных размеров, на наследство, позволяющее жить, не работая и т. п.;

налоговые льготы предприятиям, продающим акции главным образом собственным работникам;

система «участия в прибылях», ставящая распределение под контроль трудящихся в лице профсоюзов или других организаций. Помимо всего прочего это ослабит социальную напряженность при переходе к рынку.

Рынок. Вопрос имеет две стороны: а) какой рынок? б) в чьих интересах и за чей счет?

Консерваторы — противники рынка, а если и признают его, не готовы поступиться интересами государственной бюрократии для облегчения положения «простых» граждан, ущемить ведомственные интересы. Либералы и правые социал-демократы требуют рынка, но уверяют, что он не может быть никаким, кроме капиталистического, на практике же защищают интересы тех, кто уже накопил богатство, нередко предлагая опереться на теневую экономику.

Левые социал-демократы, будучи сторонниками рынка, исходят из того, что на современном Западе есть два типа, различающихся экономическими субъектами: а) основанный на частной и частично акционерной собственности — капиталистический; б) основанный главным образом на коллективной собственности — «посткапиталистический». На него и следует ориентироваться Союзу и России.

Наш лозунг: «Рынок — для народа, а не для нуворишей за счет народа». Вопросы социальной защиты слабо разработаны в программах Президента и группы Штаталина. Эта защита должна быть усилена.

Справедливость и социальная защита. Консерваторы — сторонники уравниловки, лишаящей человека стимулов к труду; либералы — неограниченного со-

циального неравенства, создающего высокую напряженность и превращающего в фикцию лозунг «равных возможностей».

Позиция левой социал-демократии — преимущественно трудовое, контролируемое обществом неравенство. Помимо системы прогрессивного налогообложения и «участия в прибылях», этому могут служить: ликвидация ограничений на заработки трудящихся, связанные с ростом эффективности труда;

право всех работающих пенсионеров на полную пенсию;

система общественного контроля над экономической деятельностью: полная гласность в отношении продаж мелких предприятий в частные руки, декларации о доходах и т. п.;

общегосударственная программа борьбы с теневой экономикой и организованной преступностью.

Милосердие в понимании левых социал-демократов — не бесплатный суп и ночлежки (хотя и это бывает полезно), а создание условий для полноценной жизни и развития, т. е. создание социальных гарантий, включая:

приближение минимальной заработной платы и трудовых пенсий к прожиточному минимуму, определяемому регионом, индексации доходов;

ускоренную разработку и внедрение государственной и местной программ обеспечения занятости;

формирование системы социальной помощи и социальных льгот для «бедных» («малообеспеченных»), для многодетных семей и т. п. категорий граждан.

Таким образом, вместо бюрократической защиты должностных привилегий и либерально-демократического требования отказа от всяких привилегий левая социал-демократия выдвигает лозунг: «Привилегии — только во имя равенства».

Демократия. В настоящее время сторонниками «твердой руки» выступают не только консерваторы, намеренные таким путем восстановить улучшенный вариант прежней системы, но и все больше либералов, желающих административными методами «звестить рынок», преодолевая сопротивление неумиющих.

Левые социал-демократы — не просто противники авторитаризма, но сторонники развернуто-демократического режима, который позволяет трудящимся защищать их интересы. Такой режим предполагает:

завершение передачи власти Советам, государственный, но не партийный контроль над армией, правоохранительными органами, государственными средствами массовой информации;

действительный политический плюрализм, принятие Закона о партиях;

использование пакета Законов, гарантирующих права человека в соответствии с международными нормами; формирование преимущественно «снизу» структур управления экономикой, культурой, общественными организациями;

широкое местное самоуправление, включая себя, микрорайоны, жилмассивы в городах.

Левые социал-демократы — сторонники не Президентской, а парламентской республики: сильная власть Президента, даже избранного всенародным голосованием, при российских и советских традициях может легко превратиться в новую диктатуру.

Демократии не добиться путем запретов. Запрет партийной деятельности на предприятиях и в государственных учреждениях — новая форма отчуждения от политики. Однако, считаясь с общественными настроениями, левые социал-демократы готовы передать этот вопрос на усмотрение трудовых коллективов. Армия и правоохранительные органы подлежат департизации. Однако, в переходный период в них упраздняются парторганизации с сохранением для желающих права на членство в политических партиях.

Национальный вопрос. Сохранение Союза в новой

форме — как Союза суверенных государств — было бы объективно лучшим для всех вариантов, однако это маловероятно. В таких условиях левые социал-демократы считают необходимым:

признавать право наций на самоопределение, вплоть до отделения, на определение формы своей государственности в Союзе и Российской Федерации, на широкую административно-территориальную и культурную автономию (все это относится и к правам национальных меньшинств в отделившихся республиках);

сохранять льготы в экономическом отношении только для республик, входящих в Союз, в отношении же с остальными немедленно переходить на мировые цены;

защищать человеческие права и интересы национальных групп — представителей народов России, живущих в других республиках, в том числе и прежде всего — в отделившихся от Союза.

Образование и культура. В этой области левая социал-демократия поддерживает следующие общедемократические принципы:

приоритетное финансирование образования и культуры, повышение уровня заработной платы работникам, обращенным к человеку, как минимум до уровня работающих в материальном производстве;

плюрализм культурных направлений гуманистической ориентации;

экология культуры, поддержка культурных направлений, пропагандирующая действительно общечеловеческие ценности: коммерческому искусству — коммерческие цены, высокие налоги, контроль общественности; классическому и народному искусству — лимитированные цены, низкие налоги, государственные дотации и общественное меценатство. Полный хозрасчет — гибель одной культуры;

широкая автономия учебных заведений.

Название. Возможны следующие варианты:

1. Платформа партии демократического социализма (ПДС). Недостатками такого названия являются следующие: а) термин используется в руководстве КПСС в целом; б) термин «социализм» дискредитирован в общественном сознании.

2. Российская социал-демократическая рабочая партия — название также достаточно точное и имеющее исторические корни. Его недостаток: а) в СССР уже есть социал-демократическая партия, стоящая значительно правее; б) термин «рабочая» вызывает аллергию у интеллигенции, хотя в Швеции, Испании, Англии и других странах социал-демократы называются именно так.

3. Платформа левой социал-демократии.

4. Платформа третьего пути.

5. Возможно, следует создавать не платформу в партии, а более широкое движение, включая вышедших и беспартийных. Вариант названия — альтернативное левое движение.

Тактика. Левая социал-демократия придерживается тактики двух блоков: «демократического» — с либералами — в том, что касается демонтажирования остатков административно-бюрократической системы; левого — с другими социалистическими течениями — в вопросах собственности и социальной справедливости. В просветительской работе следует исходить из того, что консервативно-бюрократические стереотипы уже разрушены либеральной прессой, а потому необходимо сосредоточиться на критике новых либеральных стереотипов.

Наиболее вероятная ближайшая перспектива левой социал-демократии — деятельность в оппозиции к побеждающим либералам и правым радикалам, возможно, при правом авторитарном режиме и запрете на деятельность коммунистических и социалистических партий.

Платформа левой социал-демократии обращается с предложением о совместных действиях ко всем сторонникам «третьего пути» в КПСС, к тем, кто вышел из ее рядов, другим социал-демократическим организациям, «зеленым», анархо-синдикалистам, беспартийным:

только объединив усилия, можно уберечь страну как от возврата к «казарменному» коммунизму, так и к примитивному, антигуманному капитализму, возможно, к гражданской войне и национальной катастрофе.

Из дневника одного студента

25 августа. Ну дела! Вступительные завалил, но все же зачислен. Не зря предки кому надо звонили. Теперь надо учиться. А то в армию загребут.

3 сентября. Долго ждал автобус. Опоздал на пять минут. Думал, что выгонят. Но — никто ничего.

10 сентября. Опять опоздал. Вихрем взлетел по лестнице на третий этаж. Навстречу мне — Аликс с третьего курса. «Ты чего?» — спрашивает. «Опоздал», — отвечаю. «Фи, ерунда», — говорит. — Пойдем со мной». Пришли в «Погребок». Там нас двое с четвертого курса ждут. Выпили, добавили, потому еще... Как домой пришел — не помню.

11 сентября. С опаской вхожу в аудиторию. Но — никто ничего.

15 сентября. Сел готовить первый в жизни семинар, но пришли друзья. Взялись за карты. Играл до утра в покер, потом пошли в институт.

16 сентября. Вызвали к доске. Постоял, помолчал. Получил пару. Что теперь будет?..

17 сентября. Все нормально. Никто ничего.

20 сентября. Никто ничего.

20 декабря. Три месяца не был в институте. Но — никто ничего. Скоро семестр, надо бы зайти.

24 декабря. Зашел в институт. Сокурсники меня не узнают. Я их — тоже. Посидел на лекциях. Никто ничего.

20 января. Сессию завалил. Теперь уж точно выгонят.

21 января. Вызвал декан, велел пересдавать. Придется бегать за преподавателями...

29 января. Бегать не пришлось, они сами за мною бегали. Поймают, продержат часа три и ставят тройку. И — никто ничего.

30 января. Прошла стипендиальная комиссия. Стипендия мне будет. Все идет хорошо. Надо вот только узнать, нельзя ли получить

деньги за полгода сразу. Чтобы за ними в институт каждый месяц не ходить.

1 февраля. Страшно болит голова: вчера отмечал с друзьями успешное окончание сессии. Оказывается, учиться в вузе не так уж и трудно. Осталось как-нибудь четыре с половиной года — ерунда!

Через пять лет. Полгода, как работаю в школе. Вчера была комиссия РОНО. Посидели у меня на уроках, схватились за головы: ученики-то мои — никто ничего. Вызывают в РОНО. Что теперь будет?! Страшно подумать...

И все же я надеюсь, что все обойдется: может, и в нашем РОНО — никто ничего!

Безымянный автор этих случайно попавших ко мне записок, судя по их содержанию — выпускник педвуза. Неизвестно, какого, но хочется верить, что не нашего. А. ШТЫРБУЛ.

*Распался желтый лист под ногами. Может, поздно. Может, рано еще. Только осень пахнет флагами и пирогами, Транспарантами и горячим борщом. На каблук нанизаны падшие листья. То ли красная, то ли желтая власть. А листовки каждым словом — как выстрелы. Это осень. Это митинг. Листом в грязь. * * * Листья скорчились, закоченели, С тихим стоном прощается осень. Вновь слетится парламент метели. Чтобы зимние ставить вопросы, Мы вернемся, вернемся конечно, Снова зелены и непокорны!.. Оголив провода и скворешни, В прах рассыпались желтые кроны.*
Лена ЗАВЬЯЛОВА.



Редактор
Л. И. КОЗЯКОВА